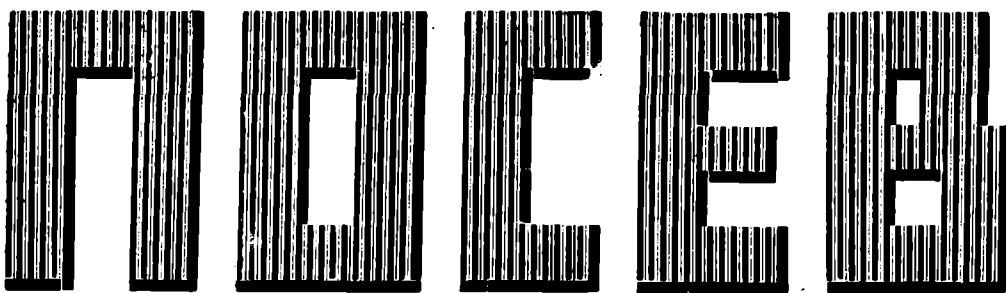

За Россию!

Еженедельник общественной и политической мысли

Не в силе Бог, а в правде — Александр Неаский

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn. Verlag
„Possev“ Bankkonto: Limburger Bank V 14 Post-
scheckkonto: Frankfurt/M 33 461 Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ. 10—6 НМ. 15—9 НМ и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ. 1/32—
13 НМ. 1/16—25 НМ. 1/8—50 НМ. 1/4—90 НМ. 1/2—
180 НМ. 1 стр.—360 НМ. Розыски—20 пф. слово.

Выходит по воскресеньям.

Цена номера в розничной продаже **70 пфен.**

V ГОЛ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 НОЯБРЯ 1949 ГОДА

№ 45 (180)

О К Т Я Б Р Ь

Октябрю исполнилось 32 года. Возраст для революционной идеи достаточно почтенный, чтобы задуматься над вопросом, какими соками она будет питаться, когда 7-ое ноября 1917 года отойдет еще дальше в глубь истории.

В дни юбилея принято не столько смотреть вперед, сколько оглядываться назад. Первые десятилетия после переворота празднование годовщины было полно сознания победы — над низверженным царизмом, над помещиками и капиталистами, над белыми армиями. Но чем дальше шло время тем бледнее и бледнее звучали эти мотивы, их содержание постепенно выхолащивалось, превращалось в ритуальную форму, за которой росло и крепло содержание новое, все более и более враждебное официальным юбилеям — большевикам. Сейчас, спустя тридцать два года — лозунги свободы, слова осуждения деспотизма, призывы к борьбе с эксплуатацией — звучат не только двусмысленные, но и явно антирежимно.

Разве в порядке своеобразнейшей эволюции не пришлось нынешним властителям России воскресить ряд симво-

лов и атрибутов того прошлого, против которого было направлено острие Октября? Единовластие Сталина не превзошло ли в сотни раз самодержавие царей, не бледнеет ли перед насильническим произволом МГБ-МВД тень благодушного охранного или третьего отделения, на фоне современного удушения свободной мысли в ежовых рукавицах казенного заказа не кажется ли вершиной либеральности цензура Николая I?

По существу, героями советской власти, теми, кого власть должна была бы чувствовать как своих скромных и робких предтеч и первоисточников не являются ли Аракчеев и Победоносцев? Им, вместе со Скалозубами и Держимордами, следовало бы петь хвалебные песни и ставить памятники!

Тот факт, что вместо них на пьедестал возводятся Пушкин и Радищев — певцы свободы — свидетельствует об очень опасном, паталогическом, быть может, искажении мышления кремлевских владык.

Разве обличающие тиранию стихи Пушкина или уничтожающая критика нищеты и бесправия Радищева не бьют прямо в точку современной советской действительности? Разве не звучат они крамолой, бунтом, восстанием против нынешних рабовладельцев, деспотов, душителей свободы? Не зовут ли тени декабристов, народовольцев, Каляева на борьбу с большевистским обскурантизмом и партийной реакцией?

В порыве какого-то парадоксального ослепления большевики, обрушиваясь на темные стороны царского режима, осуждая их устами бывших революционеров — медленно, но верно рубят и тот сук, на котором они сидят.

Они вызывают к жизни чувства и переживания, обманное использование которых в свое время привело их к власти, но которые объективно направлены против всякой тирании, в том числе и против большевистской. Сейчас большевики готовы многое бросить за борт, многие из своих прежних утверждений, вплоть до лозунга — религия есть опиум для народа, но одно бросить они не могут — пафос свободы, как бы лживо он не звучал в их насильнических устах. Подавляя, уничтожая свободу всей мощью своего полицейского аппарата, борясь с ней не на жизнь а на смерть — смерть миллионов русских людей, — слово о свободе они забыть не могут, так как оно было у колыбели революции, было ключом к душе нашего народа.

Сейчас этот ключ давно не в их руках. Песня о свободе поется у колыбели новой революции, той, что сметет большевизм. То, что было гимном Октября, готовится ныне стать его похоронным маршем. А официальные юбилеи, стоящие в эти дни у кремлевской стены, принимая парады, как замороженные продолжают играть с огнем. Этот огонь принес им жизнь и вознес их к вершине власти — он же принесет им и уничтожение. Так, очевидно, завершится цикл октябрьского преступления: то, под знаменем чего оно было совершено — свобода — отомстит за свое обманное использование, за свое последующее небывалое поправление.

Слово свободы жжет сердца людей, ведет их на бой с тиранами.

В устах тиранов это слово — мертвое заклинание, в душах зажегшихся им людей это — клич подлинной революции, революции освободительной, той, что придет.

В номере:

**А. В. Столыпин
СЛЫШАТ ЛИ ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ
НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ?**

**С. А. Левицкий
ТРАГЕДИЯ ЭЛИТЫ**

**Григорий Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ**